

УДК 902.01

А.А. АНОЙКИН

ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: anui1@yandex.ru

Статья посвящена исследованиям палеолитических стоянок Приморского Дагестана. Используя большое количество полученного в ходе археологических работ эмпирического материала, автор реконструирует основные этапы развития древней материальной культуры на территории Приморского Дагестана на протяжении плейстоцена, с начальных этапов заселения Кавказа (1,8–2 млн л. н.) до появления здесь верхнепалеолитических культур, связанных с человеком современного антропологического типа. Раннепалеолитические комплексы стоянок Рубас-1 и Дарвагчай-1 позволяют рассматривать Кавказ как один из очагов развития доашельских микроиндустрий.

Ключевые слова: палеолит, мелкоорудийные комплексы, ашель, леваллуа, морские трансгрессии, Дагестан.

В ходе первоначального заселения Евразии, которое началось около 2 млн л. н., одним из основных транзитных коридоров являлся Кавказ. Наиболее ранние памятники на этой территории принадлежат палеомагнитной эпохе Матуяма, т. е. относятся к периоду древнее 0,68 млн л. н. [1–3]. Причем большинство известных стоянок сосредоточено в ее центральной части, в Закавказье или вдоль черноморского побережья. Территория Северо-Восточного Кавказа, особенно прибрежные районы Каспийского моря, до недавнего времени была изучена крайне слабо. Новые археологические изыскания позволили значительно увеличить объем наших знаний о древнейшей истории каспийского побережья Кавказа. Начиная с 2003 г. в долинах рек Рубас и Дарвагчай (Приморский Дагестан) было открыто более 20 памятников палеолита.

На настоящий момент можно выделить три основные проблемы палеолитоведения Дагестана и всего Кавказа, в целом – первоначальное заселение данной территории; появление и развитие здесь ашельских индустрий, а также переход от среднего палеолита к верхнему и его возможная связь с освоением Кавказа человеком современного типа.

Наиболее древние комплексы в Приморском Дагестане были обнаружены на стратифицированных памятниках Рубас-1 (нижний комплекс) и Дарвагчай-1 [3].

Памятник Рубас-1 расположен в Табасаранском районе Республики Дагестан (РД), в среднем течении р. Рубас, на 30-метровом террасовидном уступе. Археологический материал на местонахождении зафиксирован на трех высотных уровнях. Наиболее ранний комплекс артефактов обнаружен в гравийно-галечной прослойке (сл. 5), которая за-

легает в основании разреза (глубина 16–18 м) и накопление которой происходило в бурной зоне древнего пляжа в одну из фаз древней трансгрессии Каспийского моря. Среди обломков кремня в слое часть предметов была определена как артефакты (рис. 1). Этот комплекс находок Рубаса-1 характеризуется изделиями малых размеров (~ 2–4 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием нестандартизированных заготовок (осколки, обломки). Среди орудий преобладают предметы с разнообразными выемками, шиповидными выступами и скребловидные изделия. Изделия крупнее 5 см малочисленны. Предполагаемый, на основании комплекса естественнонаучных данных, возраст вмещающих отложений, который соотносится с финалом акчагыльского времени (1,8–2,0 млн л. н.), а также специфический характер артефактов позволяют отнести эти материалы к числу мелкоорудийных индустрий начальных этапов раннего палеолита. Таким образом, нижний комплекс Рубаса-1 является одной из древнейших археологических индустрий на Кавказе. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии ему прослеживаются в материалах расположенной в 30 км стоянки Дарвагчай-1, которая датируется бакинским временем (Q₁b), что свидетельствует о длительном существовании индустрий с мелкоорудийными ассамбляжами на территории Северо-Восточного Кавказа [3].

Археологические материалы многослойной **стоянки Дарвагчай-1** (Кайтагский район РД) приурочены к прибрежно-морским осадкам бакинской террасы (~ 750–550 тыс. л. н.) (рис. 2). Как и на Рубасе-1, облик индустрии определяется в первую очередь размерами

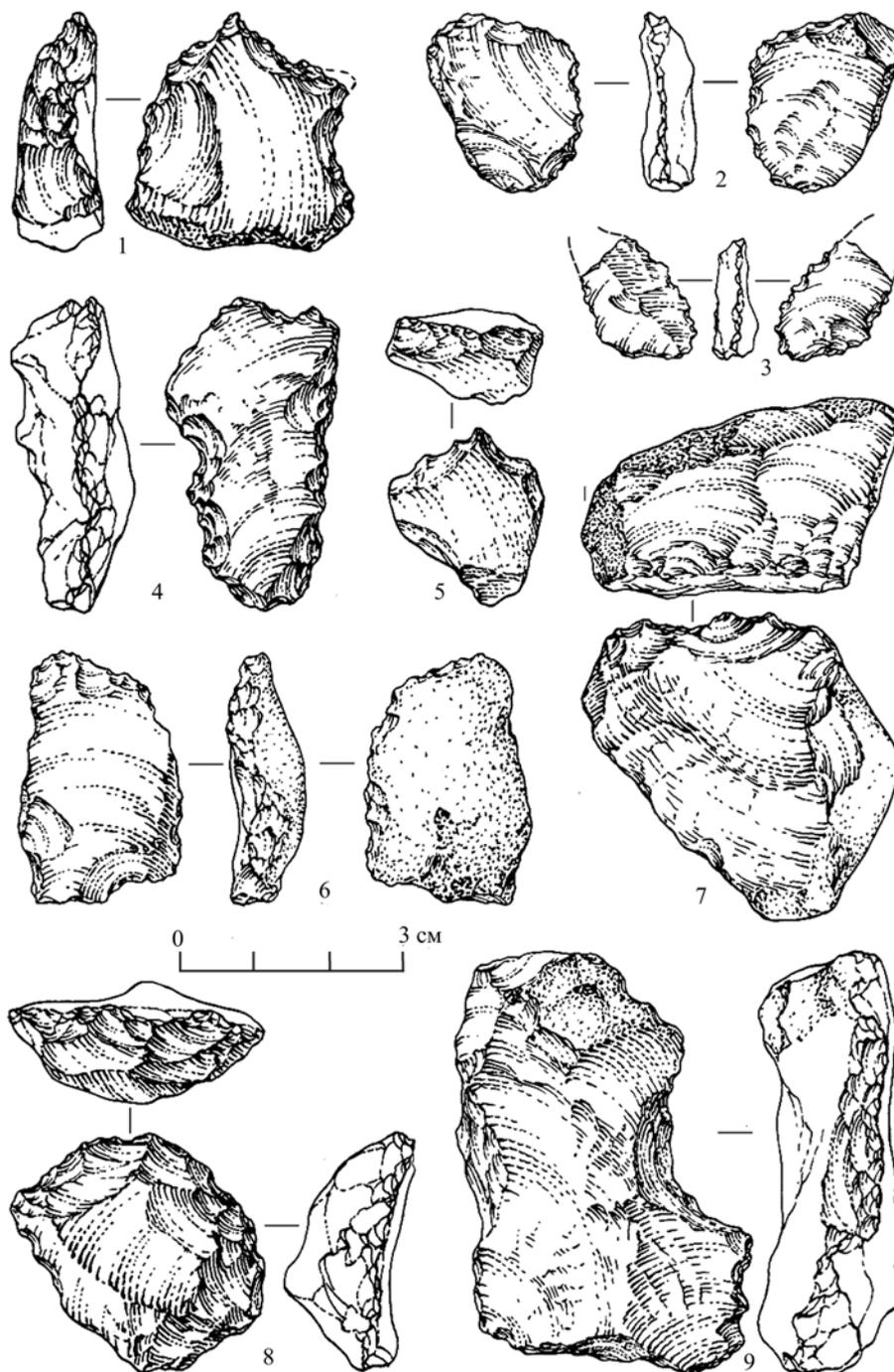

Рис. 1. Рубас-1 (нижний комплекс). Каменные артефакты.

1, 5 – шиповидные; 2, 3, 6 – сколы; 4 – зубчато-выемчатое; 7 – макроскребок (?); 8 – скребок; 9 – выемчатое.

артефактов (в среднем ~ 3 см). При этом микролитический облик индустрии, судя по всему, не зависит от размерности и особенностей расщепления исходного сырья. Набор основных категорий орудий включает скребловидные (скребки, скребла) и остроконечные (шиповидные, клвовидные, острия) формы, а также

зубчато-выемчатые изделия и практически не изменяется по культурно-литологическим подразделениям. Стоит отметить только появление в верхнем культурном слое (сл. 8) ручных рубил.

В настоящее время наиболее древние каменные мелкоорудийные ассамбляжи известны в Восточной

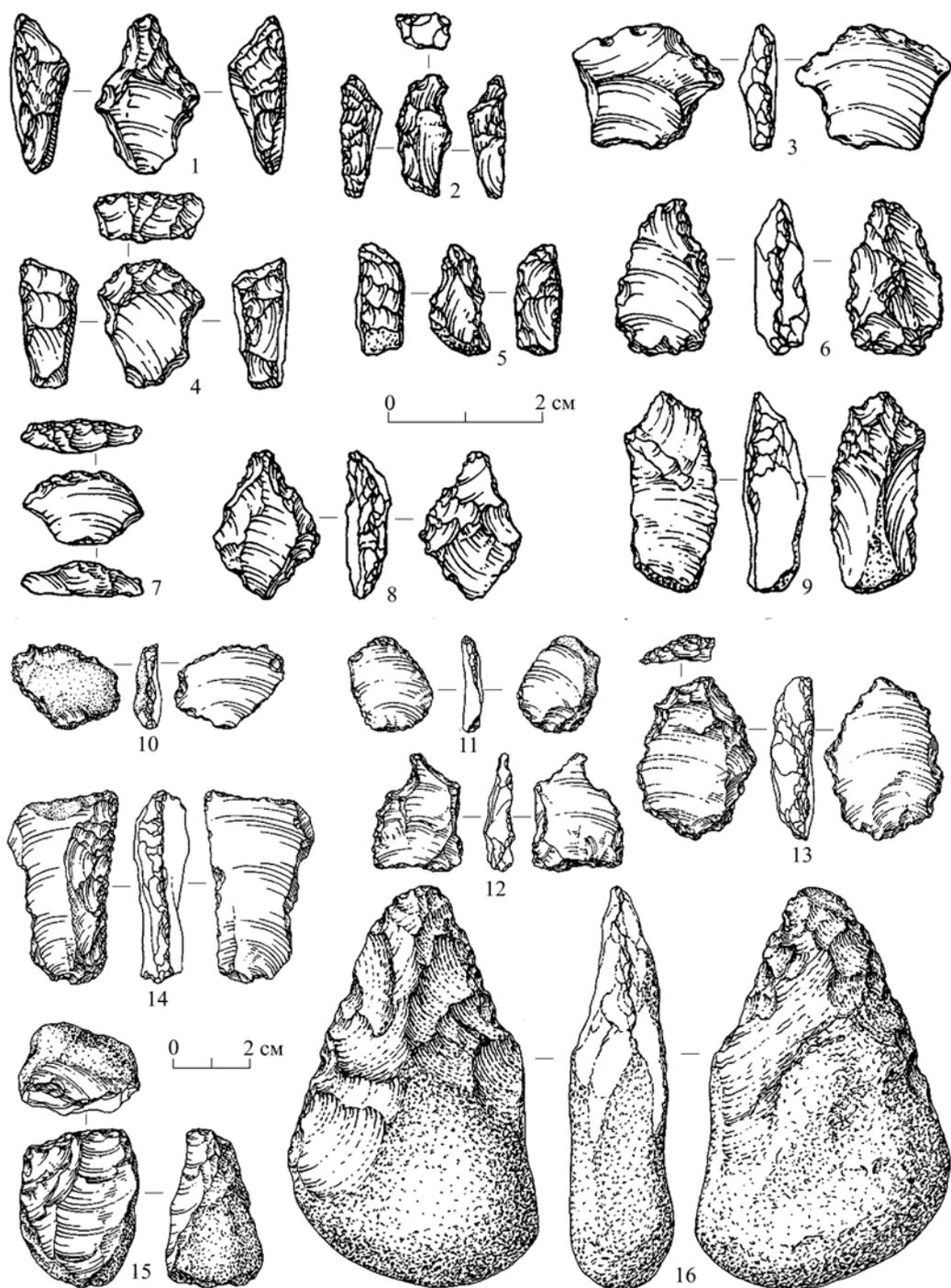

Рис. 2. Дарвагчай-1. Каменные артефакты.

1-3, 6, 15, 16 – слой 8; 4, 5, 7-14 – слой 6.

1, 2, 5 – клювовидные; 3, 6, 8, 12 – шиповидные; 4, 7, 11 – скребки; 9 – острие; 10 – скол с ретушью; 13, 14 – скребла; 15 – нуклеус; 16 – рубило.

Африке – на **стоянках Омо-57 и Омо-123**, возраст которых, по геологическим данным, определяется в 2,3–2,4 млн л. н. [4]. Эти древнейшие индустрии характеризуются наличием определенной системы в первичном расщеплении, но отсутствием серийности в конечных продуктах, а также большим количеством предметов, относящихся к отходам производства (осколки, обломки), возможно, получавшихся намеренно (благодаря технике дробления). Орудийный набор был еще не сформирован, а ретуширование заготовок носило случайный характер.

На территории Евразии до последнего времени наиболее древним памятником с такими мелкоорудийными наборами была **стоянка Бизат Рухама** (около 1 млн л. н.) [5]. В составе каменной индустрии памятника предметы крайне небольших размеров: нуклеусы не превышают 3 см; сколы в среднем около 2 см. Характерной особенностью является также неустойчивость орудийных форм.

Индустрии Рубаса-1 и отчасти Дарвагчая-1 при их типологической невыраженности и наличии орудий, выполненных слабоорганизованной ретушью, занимают промежуточное хронологическое и технологическое положение между африканскими и ближневосточными мелкоорудийными комплексами. Особенности используемого каменного материала, а также наличие в коллекции крупных сколов и отдельных орудий «стандартных» размеров не позволяют утверждать, что миниатюрность основной массы изделий определяется исключительно культурной традицией. В этом контексте интересны некоторые раннепалеолитические комплексы Центральной Европы и Леванта, где в ассамбляжах наряду с мелкоорудийной составляющей также присутствуют крупные изделия [6].

Появление и дальнейшее распространение более поздних, ашельских индустрий, наиболее характерная черта которых – присутствие ручных рубил (бифасов), также является одной из наиболее обсуждаемых тем в археологическом сообществе. Первое появление комплексов с ручными рубилами фиксируется в Африке ~ 1,7–1,5 млн л. н. и знаменует начало длительной (более 1 млн лет) ашельской эпохи. В последующее время индустрии с бифасами распространяются на Ближний Восток (1,4–0,9 млн л. н.) и далее – в Индию (0,7 млн л. н.), на Кавказ (~ 0,7–0,5 млн л. н.) и в Европу (~ 0,6–0,5 млн л. н.) [7; 8].

Проявлением этой миграционной волны следует, видимо, считать «поверхностные» местонахождения с ашельским инвентарем в Западной Туркмении, Западном и Центральном Казахстане [9], а также в Мугоджарах и Северном Приаралье [10]. При этом предполагается вероятным появление ашельских индустрий Мангышлака, Мугоджар и, возможно, Приаралья в результате миграций с Северного Кавказа. Такие миграции могли осуществляться вдоль северных и южных берегов Каспия в условиях трансгрессивного уровня моря [9]. С открытием ашельских рубил в Дагестане [3] эта гипотеза получила дополнительное подтверждение.

Появление рубил в Дагестане фиксируется в среднем плейстоцене (Дарвагчай-1 (сл. 8), верхнебакинские отложения) (рис. 2), а также в более позднее время (местонахождения Дарвагчай-залив-4, Дарвагчай-карьер и др.). Логично предположить, что миграция ашельского населения могла осуществляться во время последующих регрессий моря, но не позднее последнего межледникового (5 ИКС). Традиционно наиболее значительными считаются регрессии между бакинско-урунджикской и раннехазарской трансгрессиями, и между ранним и поздним хазаром. По имеющимся данным, уровень моря в эти периоды мог быть ниже отметки -50 м абс., и даже достигать значения -75 м абс. [11].

Исходя из палеогеографических реконструкций четвертичной истории Каспия и расположения палеолитических местонахождений с бифасами, гипотезу о миграциях носителей ашельских традиций с Кавказа в Центральную Азию можно рассматривать как не имеющую принципиальных препятствий. Продвижение популяций, владеющих ашельскими технологиями, могло осуществляться вдоль северного берега моря в периоды глубоких регрессий среднего плейстоцена (~ 11, 9 и 7 ИКС). Кроме того, более древние миграции с Кавказа в Центральную Азию могли осуществляться и по Апшеронскому порогу в период глубокой (-150–200 м) тюркянской регрессии Каспийского моря (~ 20–18 ИКС). Другим важным фактором возможности таких миграций является подтвержденное комплексом естественнонаучных данных наличие источников литоресурсов на шельфе Северного Каспия, пригодных для изготовления палеолитических орудий [12].

Развитые среднепалеолитические индустрии, известные в настоящее время по материалам группы памятников Дарвагчай-залив, а также по подъемным материалам (Рубас-2-5, Чумус-Иниц и др.), характеризуются широким применением леваллуазской техники расщепления наряду с простой параллельной и радиальной; наличием в ассамбляжах интенсивно ретушированных скребел и мустьерских остроконечников.

Еще одним из важнейших направлений в исследованиях палеолита является определение региональной специфики перехода от среднего к верхнему палеолиту и становления культуры человека современного физического типа. На Северо-Восточном Кавказе этот рубеж характеризуют, в первую очередь, стратифицированные комплексы **стоянок Рубас-1** (верхний комплекс) и **Тинит-1**.

Всего на **стоянке Тинит-1** (Табасаранский район РД) зафиксировано 11 горизонтов залегания археологического материала (а. г.). По своим технико-типологическим характеристикам технокомплексы верхних культурных горизонтов (а. г. 1–4) соответствуют рубежу среднего/верхнего палеолита, а нижних (а. г. 5–11) – финалу среднепалеолитического времени (рис. 3). Выводы о таком культурно-хронологическом делении материалов стоянки подтверждаются результатами абсолютного датирования. Получено пять дат, выпол-

ненных в AMS-лаборатории Арizonского университета (г. Тусон, США) в интервале от $39\ 200 \pm 740$ л. н. (сл. 2, а. г. 2) до $47\ 800 \pm 1500$ л. н. (сл. 8, а. г. 10).

К тому же культурно-хронологическому интервалу, что и индустрии Тинит-1, относятся, видимо, и материалы верхнего комплекса Рубас-1. Здесь зафик-

сировано семь уровней залегания археологического материала, также делящегося на две группы – финально-среднепалеолитическую и переходную к верхнему палеолиту (рис. 3).

В целом археологические комплексы нижних а. г. стоянок Тинит-1 и Рубас-1 характеризуются на-

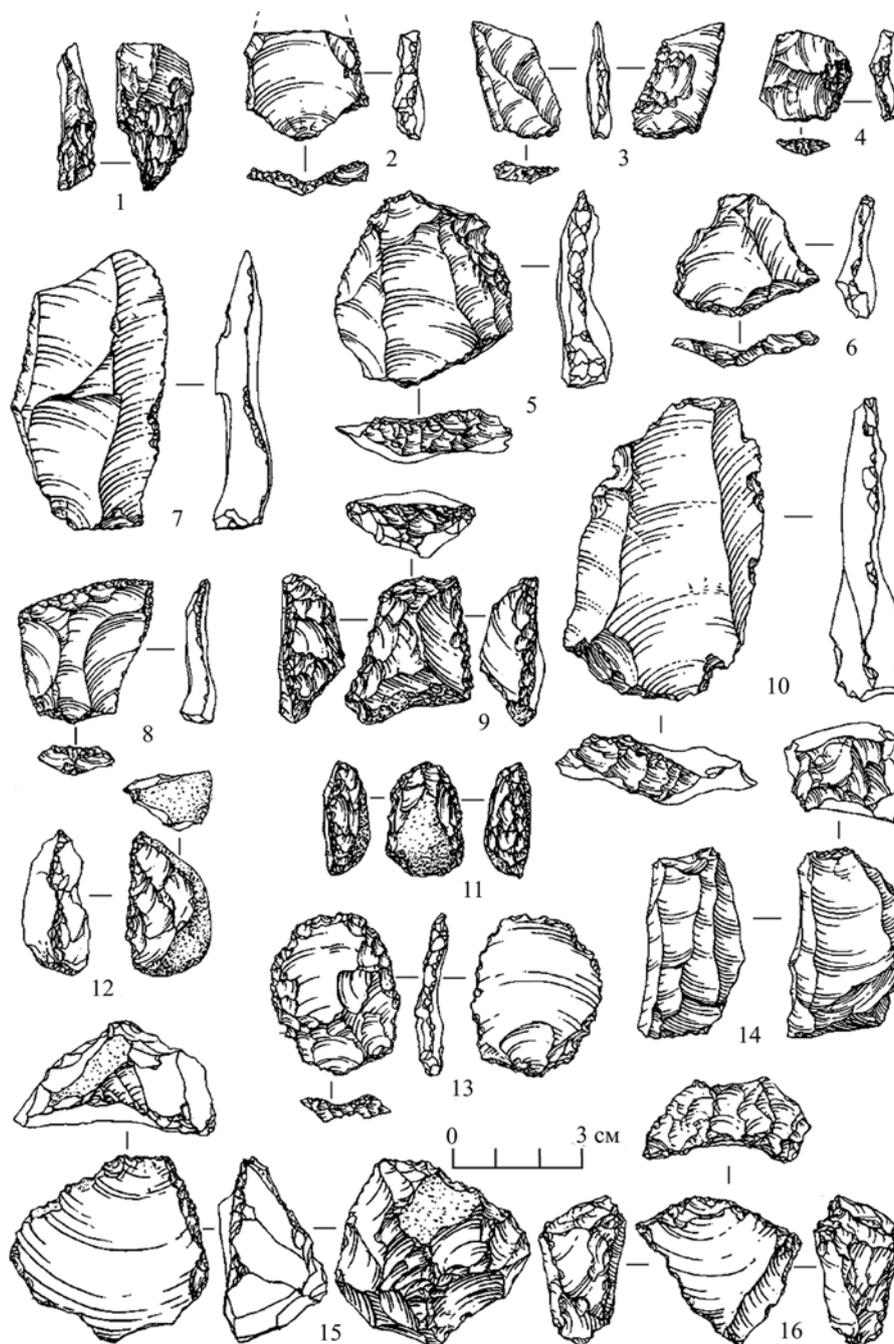

Рис. 3. Рубас-1 (верхний комплекс) и Тинит-1. Каменные артефакты.

1–5, 7, 8, 10, 14 – Тинит-1; 6, 9, 11–13, 15, 16 – Рубас-1.

1 – резец; 2, 4–6, 10 – сколы леваллуа; 3, 7 – ножи; 8, 13 – скребла; 9, 11 – скребки; 12 – скребло-нож; 14–16 – нуклеусы.

личием выразительных леваллуазких форм для отщепов и острий, одновременно с которыми использовались и торцовые разновидности нуклеусов. На более поздних этапах на смену леваллуазской технике приходит своеобразная параллельная объемная техника раскалывания, в продольном и бипродольном пластинчатых вариантах. В орудийном наборе преобладают изделия с режущими и скребущими лезвиями, что, вероятнее всего, связано с хозяйственным типом стоянки. Следует отметить полное отсутствие бифасиальных форм и признаков двухсторонней обработки среди группы орудий, что является нехарактерным для кавказского региона. В нижних а. г. закономерно значителен процент леваллуазских сколов и изделий на них, а также имеется группа зубчато-выемчатых орудий. Верхнепалеолитические категории орудий не выразительны и представлены в основном атипичными формами скребков. По совокупности признаков, в первую очередь по наличию развитой леваллуазской техники, в том числе в вариантах, направленных на производство удлиненных заготовок, а также отсутствию бифасиальных изделий, материалы нижних а. г. стоянок наиболее близки инвентарю леваллуа-мустьерской группы памятников Восточной Европы, выделенной по материалам стоянок Крыма и Пруто-Днестровья [13]. Вместе с тем наличие среди орудий скребков высокой формы, в сочетании с транкированно-фасетированным орудием и многогранным поперечным резцом, позволяет выделить в рассматриваемых технокомплексах группу предметов с четкой культурно-хронологической привязкой. Присутствие в ассамбляжах этих типов изделий является характерным для многих археоплексов финала среднего палеолита в индустриях Западной Азии (стоянки Загроса, Северо-Западного Тянь-Шаня и др.) [14; 15].

Исследования последних лет, проводимые в Приморском Дагестане, позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона и представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб: Петербургское востоковедение, 1998. 192 с.
2. Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. М.: ТАУС, 2007. 52 с.
3. Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лецинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 124 с.
4. Torre de la I., Mora R., Dominguez-Rodrigo M. etc. The Oldowan industry of Peninj and its bearing on the reconstruction of the technological skills of lower Pleistocene hominids // Journal of Human Evolution. 2003. N 44 (2). P. 203–224.
5. Zaidner Y., Ronen A., Burdukiewicz J.M. The Lower Palaeolithic microlithic industry of Bizat Ruhama, Israel // L'anthropologie. 2003. Vol. 107. P. 203–222.
6. Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant / ed. by J.M. Burdukiewicz, A.Ronen. BAR International Series. Oxford, 2003. N 1115. 231 p.
7. Mishra S., Venkatesan T.R., Somayajulu B.L.K. Earliest Acheulian industry from Peninsular India // Current Anthropology. 1995. Vol. 36 (5). P. 847–851.
8. Деревянко А.П. Заселение человеком Евразии в раннем палеолите // Древнейшие миграции человека в Евразии: матер. междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2009. С. 5–28.
9. Любин В.П. Палеолит Туркмении // Сов. археология. 1984. № 1. С. 26–45.
10. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2001. 136 с.
11. Янина Т.А. Палеогеография бассейнов Понто-Каспия в плейстоцене по результатам малако-фаунистического анализа: автореф. дис. ... д-ра. геогр. наук. М., 2009. 42 с.
12. Леонтьев О.К. Эволюция берегов Каспия в верхнем плиоцене и четвертичном периоде // Геоморфологический анализ при геологических исследованиях в Прикаспийской впадине. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 106–140.
13. Чабай В.П. Средний палеолит Крыма: стратиграфия, хронология, типологическая вариабельность, восточно-европейский контекст. Киев: Шлях, 2004. 324 с.
14. Dibble G., Harold L. The Mousterian Industry from Bisitun Cave (Iran) // Paléorient. 1984. N 10. P. 23–34.
15. Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Белоусова Н.Е., Исламов У.И. Ранние технологические инновации в палеолите Средней Азии: кареноидная технология в переходных индустриях Узбекистана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. С. 211–221.

Статья поступила
в редакцию 25.01.2013